

КОГДА едешь куда-нибудь далеко и поздно проходит через множество станиц, — везде прикасаешься к чужим жизням. Доносятся обрывки разговоров. Надолго, почему-то заходят в память чужое лицо со сложным выражением облегчения, стыда и печали: человек стоял на перроне, прощаясь с кем-то, но это было и освобождением — разрублался какой-то узел, ставился жизненная веха. Какая? Этого никогда уже не узнаешь.

Как-то за городом я встретила одну пару: юношу и девушку. Они были счастливы! Это чувствовалось совершенно отчего-либо. Трудно было удержаться, чтобы не пойти за ними следом. Просто так.

Запомнилась мне девушка из бригады коммунистического труда. «Вот вы приходите, спрашиваете, как живете, как трудитесь? А мы хотим, чтоб и нам помогли, подсказали, как жить, как трудиться? Как стать лучше, чем мы есть?» Эта же девушка сказала про себя и своего парня: «Нельзя любить, если не уважаешь мечту другого».

Есть одна только докуча у литератора: горько знать, что не

суждено вместить в себя все судьбы, узнать все души. Нет, как правило, людей неинтересных, нет жизней незначительных. Мы все движемся во времени и поэтому, каждый по своему, типичны для него. Те, ктошел вперед, обогнали

время? Так? Что, если несут в себе больше старого, чем нового, трагически отсталы? Почему?

Что увидишь и разгадаш в человеке, — это зависит от тебя самого. Острота зрения идет от остроны чувств. Но что

может понять писатель, если боится узнать людей такими, как они есть?

Как мало надо уважать свое время, чтобы думать, будущеме тебе известен тот рецепт, по которому рядовой человек превращает

ся в героя.

АВТОР, ГЕРОЙ, ЧИТАТЕЛЬ

Лидия ОБУХОВА

«Дневник ПИСАТЕЛЯ»

стол рядом. Ведь сочинитель одной книги прочитывает столько других. Читатель же иногда берется за первохода, чтобы бы для того, чтобы поговорить со своим писателем, — и вот уже писатель сам превращается в объект наблюдений. (Потому что все-таки не случайно мы переносим черты герояна из их авторов; они состоят в блоке родстве, если не прямом, то косвенном: тональность книги определяется мироощущением писателя.)

Иногда, не поняв книги, писателя спрашивают: «Почему написано так, а не этак? Как смеет герой бить одну женщину, а не другую? Почему он думает иначе, чем я? Ведь я — читатель! Я — критик! Я хочу, чтоб отобразили меня».

Иногда бывает, что читатель перерастает своего писателя, он пошел дальше, мыслит смелее. Тогда он говорит, протягивая руку: «ну, мой писатель, не откладывай! Открой сердце шире.

Все мы пишем для народа. И только для него. Народ — единственный и высший судья. Только народ может дать последний и окончательный приговор всем нашим трудам и помыслам. Поэтому с такой честностью прислушиваемся к каждому его слову, мысли, мнению.

Литература не только интимные чувства — любовь, дружба, симпатия, — читатель тоже имеет своего писателя. Еще в детстве мне казалось, что должно быть написано — где-то есть одно-единственное стихотворение, которое, когда прочтешь его, даст вдруг ощущение совершенной красоты, разгадки всех тайн. Я с жадностью прочитывала одного, второго поэта: иногда казалось, что вот оно! Уже почти в руках. Но потом мир раздвигался, за далью оказывалась новая даль (хотя это тогда и не было еще сказано Твардовским).

Литература делится не только на жанры, — это множество струн тысячеголосой лиры. И когда большой мастер ударяет по одной, — испытываешь потрясение. И как бы коротко ни длилось такое мгновение, оно подобно колычу роста на дереве.

В книгах гениальных писателей заложено так много, что каждый выбирает свое. Однако, выслушивая любимого героя, мне кажется, писатель должен не столько заботиться о том, подходит ли он тебе, сколько подходит ли ему ты. Твоего ли era этот человек? Сможешь ли ты рассказать о нем? В таком сомнении нет ничего зазорного: ведь литератор не бакалавр лавочки, где выставляются товары на любую потребу.

ПО ОПЫТУ ОМИЧЕЙ

УЧАСТИКИ выездной редакции «Литературной газеты» в Сибири, выступая в Иркутске по телевидению, встречались с рабочими, интеллигентами, рассказывали, как трудались Омска превратили свой город в цветущий сад.

Иркутские за последние годы тоже многое сделали, украшая своей город. Выросли новые кварталы многоэтажных благоустроенных домов, заново покрыты асфальтом многие улицы, разбит красивый сквер на центральной площади, строится набережная на правом берегу Ангары. В городе стало больше зелени и цветов.

Узнав об успехах омичей, иркутяне решили передать им опыт. В Омске выехало бригада работников городского хозяйства во главе с секретарем горкома партии М. Гайчманом и председателем исполнкома горсовета Н. Патровым. Омчики радушно встретили гостей, рассказали о том, как участвует общественность в благоустройстве и озеленении города. В порядке товарищеской помощи иркутянам передан вагон саженцев и значительное количество семян цветов.

Сейчас в Иркутске проводится подготовка к осеннему посадкам. Решено привести общественный смотр по благоустройству, развертывается соревнование коллективов предприятий, учреждений, вузов и школ Иркутска.

Иркутяне стремятся сделать свою город один из благоустроенных и красивых городов Сибири.

ИРКУТСК. (Наш корр.)

В ВЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

Редко бывает столь многочисленной делегации на зарубежный научный съезд, как та, что направляется из Москвы на Международный океанографический конгресс в Нью-Йорк.

Более пятидесяти советских ученых прибывают в Соединенные Штаты Америки, чтобы принять участие в обсуждении актуальных проблем современной науки об океанах.

Конгресс в Нью-Йорке, — заявил нашему корреспонденту руководитель советской делегации академик Д. И. Шербаков, — представляет исключительный интерес по двум причинам. Прежде всего он является международной трибуной для обнародования выдающихся достижений океанографии и некоторых итогов работ Международного геофизического года. Вместе с тем мы рас-

пролетариев всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 107 (4073)

Суббота, 29 августа 1959 г.

Цена 40 коп.

Но это не про-
пойводь ограни-
ченности литерату-
ра: мол, испа-
хал свой надел,
оборонил от кри-
тиков определен-
ное видение ми-
ра — и вот она и
есть твой вточ-
ни.

Автор, герой и
читатель — все

стоят рядом. Ведь сочинитель одной книги прочитывает столько других. Читатель же иногда берется за первохода, чтобы бы для того, чтобы поговорить со своим писателем, — и вот уже писатель сам превращается в объект наблюдений. (Потому что все-таки не случайно мы переносим черты герояна из их авторов; они состоят в блоке родства, если не прямом, то косвенном: тональность книги определяется мироощущением писателя.)

Иногда, не поняв книги, писателя спрашивают: «Почему написано так, а не этак? Как смеет герой бить одну женщину, а не другую? Почему он думает иначе, чем я? Ведь я — читатель! Я — критик! Я хочу, чтоб отобразили меня».

Иногда бывает, что читатель перерастает своего писателя, он пошел дальше, мыслит смелее. Тогда он говорит, протягивая руку: «ну, мой писатель, не откладывай! Открой сердце шире.

Все мы пишем для народа. И только для него. Народ — единственный и высший судья. Только народ может дать последний и окончательный приговор всем нашим трудам и помыслам. Поэтому с такой честностью прислушиваемся к каждому его слову, мысли, мнению.

Литература не только интимные чувства — любовь, дружба, симпатия, — читатель тоже имеет своего писателя. Еще в детстве мне казалось, что должно быть написано — где-то есть одно-единственное стихотворение, которое, когда прочтешь его, даст вдруг ощущение совершенной красоты, разгадки всех тайн. Я с жадностью прочитывала одного, второго поэта: иногда казалось, что вот оно! Уже почти в руках. Но потом мир раздвигался, за далью оказывалась новая даль (хотя это тогда и не было еще сказано Твардовским).

Литература делится не только на жанры, — это множество струн тысячеголосой лиры. И когда большой мастер ударяет по одной, — испытываешь потрясение. И как бы коротко ни длилось такое мгновение, оно подобно колычу роста на дереве.

В книгах гениальных писателей заложено так много, что каждый выбирает свое. Однако, выслушивая любимого героя, мне кажется, писатель должен не столько заботиться о том, подходит ли он тебе, сколько подходит ли ему ты. Твоего ли era этот человек? Сможешь ли ты рассказать о нем? В таком сомнении нет ничего зазорного: ведь литератор не бакалавр лавочки, где выставляются товары на любую потребу.

НАКАНУНЕ ФИНАЛА

Праздник карельского искусства и литературы подходит к концу. Вчера литераторы Карелии простились с московскими писателями. В Октябрьском зале Дома союзов состоялся заключительный вечер литературной части декады. Тепло приветствовал карельских гостей от имени писателей Российской Федерации В. Друзин.

Пребывание карельских литераторов в Москве, их встречи с читателями в парках, домах культуры, клубах столицы, торжественное обсуждение произведений карельской литературы, в котором участвовало много русских писателей, еще больше укрепили дружбу двух братских литератур. Миниатюры, высказанные читателями на конференциях, доброжелательная, доверчивая атмосфера критика, несомненно, помогут дальнейшему расцвету литературы Карелии.

Сотни московичей побывали в эти дни на выставках, посвященных карельской культуре. С интересом осматривали они экспозиции книги и книжной графики, на которой представлено более пятидесяти изданий — произведения классиков марксизма-ленинизма, современных писателей республики, переводная литература, иллюстрации к произведениям карельских и русских писателей.

Большое внимание московичей привлекли выставка изобразительного искусства Карелии, отмеченная своеобразной прелестью северной природы, а также экспозиция произведений мастеров прикладного искусства, тесно связанного с традициями народного творчества.

Театральные и музыкальные коллективы Карелии сегодня и завтра дают прощальные концерты. Сегодня вечером и завтра утром пойдет весенняя сказка А. Н. Островского «Снегурочка» в постановке Государственного музыкально-драматического театра; в воскресенье вечером будет показана музыкальная комедия Р. Пергамента «Кумоха». Финский драматический театр заканчивает свои гастроли комедией А. Киви «Сельские саженники» и драмой М. Андерсена-Нексе «Люди с Дангора».

В Кремлевском театре и на эстрадах Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького состоятся концерты участников декады.

1 сентября — заключительный концерт на сцене Кремлевского театра.

ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Около двух недель находится в Советском Союзе делегация американских писателей — редактор журнала «Атлантик» Эдвард Уинк, критик и литератор Альберт Кейзин, историк и публицист Артур Шлезингер и кино-сценарист, драматург Пэдди Чэвейски. Это — первая делегация литераторов, прибывшая в нашу страну по договору о культурном сотрудничестве между СССР и США.

За время пребывания в СССР американские писатели совершили поездку в Ленинград, Ташкент и Киев. На дни они встретились с большой группой московских писателей в Центральном Доме литераторов.

А Сурков, открывая эту встречу, подчеркнул, что приезд делегации писателей США — факт глубоко положительный, ибо советские литераторы полны желания наладить контакт со своими американскими коллегами.

Выражая благодарность за теплые приветствия, американские писатели выразили надежду, что за первую встречу последуют другие в СССР и США. Они поделились своими первыми впечатлениями от пребывания в СССР, а Эдвард Уинк сообщил, что, вернувшись в Америку, он намерен выпустить специальное приложение к журналу «Атлантик», посвященное советскому искусству и литературе.

Во время беседы, продолжавшейся два вечера, были затронуты важнейшие проблемы литературы и искусства. Говорилось об идеиности и мастерстве, о путях современного американского романа, о традициях и новаторстве, о tragedийности в литературе, посвященной минувшей войне, о процессах в новых американских поэзиях, о роли литературной критики и т. п.

— А что вы вообще считаете русскими словами?

— Ну, вот «кнут» — русское слово?

— Конечно!

— Нет, древнерусское.

— «Луна» — русское?

Спорщики почти возмущенно дернули плечом. Но уже кто-то из самих слушателей нерешительно произнес:

— Латинское.

— Так это давно уже было!

— Значит, вы допускаете, что когда-то слова могли «входить» извне в наш язык?

— А теперь положен предел для обогащения? Запрет? Но разве не в том, что я жду впереди?

— Приличный, располагающий, благополучный...

Спорщики начали уже прошибать пот.

— А что вы вообще считаете русскими словами?

— «!!»

— Ну, вот «кнут» — русское слово?

— Конечно!

— Нет, древнерусское.

— «Луна» — русское?

Спорщики почти возмущенно дернули плечом. Но уже кто-то из самих слушателей нерешительно произнес:

— Латинское.

— Так это давно уже было!

— Значит, вы допускаете, что когда-то слова могли «входить» извне в наш язык?

— А теперь положен предел для обогащения? Запрет? Но разве не в том, что я жду впереди?

— Приличный, располагающий, благополучный...

Спорщики начали уже прошибать пот.

— А что вы вообще считаете русскими словами?

— «!!»

— Ну, вот «кнут» — русское слово?

— Конечно!

— Нет, древнерусское.

— «Луна» — русское?

Спорщики почти возмущенно дернули плечом. Но уже кто-то из самих слушателей нерешительно произнес:

— Латинское.

— Так это давно уже было!

— Значит, вы допускаете, что когда-то слова могли «входить» извне в наш язык?

— А теперь полож

Библиотека целинного зерносовхоза «Передовой» (Восточно-Казахстанская область) насчитывает около 400 читателей. Интерес к книгам не ослабевает и в горячие дни уборки. Для обслуживания механизаторов в тракторно-полеводческих бригадах созданы небольшие библиотеки.

На снимке: библиотека на полевом стане четвертой тракторно-полеводческой бригады совхоза. Пришли свежие номера журналов!

Фото Ф. САЛЬНИКОВА
(Фотохроника ТАСС)

ЧОВЕКИ ОЧИЩЕНЫ

Александр Яшин

ИЗ КНИГИ «ЮГ-РЕКА»

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Тревожно и грозно,
Тем более, что поздно
И мой наступил
Переходный возраст.
Не слабым сльви,
А в голос резу:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?
И спать не могу,
И есть не могу:
В долгу перед всеми,
Но что я могу?
Как пень на лугу,
Как теня на снегу,
Как серый валун
На морском берегу.
Чье сердце смгчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?
Чью старость утешил?
Кого очистил?
Кого на дорогу
На торную вывел?
Пред всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.
От горя ушел,
От хвори ушел,

От смерти ушел —
От себя не могу.
**
Когда-то я не убить не мог,
Что бы ни летело над головой:
Садился за вспла — ружье у ног,
Шел в чащу — заране заводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.
Стрелял и коршуна, воробы,
Не разбираясь — дружьи враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.
Доверяя птиц умею ценить:
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.
Себя самого узнать не могу.
Осники в лесу засыра не срублю,
В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейника не наступлю, —
Люблю все живое,
Живых люблю.

Но часто в типи родной стороны
Я думаю:
Вдруг да война опять?
Со всеми пойду! Пойдут и сыны!
Жестоко будем врага карать...
Но лучше,
Лучше бы без войны!

Деревня,
Время венециан.
Жизнь среди болот.
И вдруг на встречу грешному
Походко испещшую
Приезжая, недешевая
Красавица идет.

Идет-плывет по улице,
Спускается с высот,
Сама собой любуется,
Сама себя несет.

Наверно, из районного
Никольская-городка.
У плятница фасонного
Рука до локтя.

Идет, как земля щупает,
Обувочкой форсит,
С семечками хрюпает,
И глазами косит.

И, затянувшись дыхание,
Все, сколько есть ребят,
За нею с расстояния
Испуганно следят.

Готовы в драку броситься,
Готовы с места — в пляс,
Уж так она им по сердцу,
По праву —

Самый раз.

А мне, прошу прощения,
Давно знакомы все
И эти ухищрения,
И эти украшения
При девичьем красе.

Как будто не касается
Мени надменный вид
Районных Афродит.
Душа не обольщается...

И, оробев, красавица
В глаза мои глядит.

К сиротской доле относясь с участем,
Меня добру учла вся родня,
Дед за неправду взъяривал с
принадлежащим.

Крапивой же —
Обидней нет огня.

Бывала, матя прибывает

И в одиночестве

Сама ревет, судьбу свою клини:

— Живи по чести,

С совестью в согласии!..

Она хотела, чтобы сын был счастлив...

А ты? Чего ты хочешь от меня?

За что, любимая, казнишь меня?

**

Ты такое прощала,
так умела любить,
так легко забывала,
что другим не забыть.

На такие лишенья
с отрешенностью шла,
с чисто русским терпением
крест свой бабий несла.

Так душой понимала
боль его и беду,

что, конечно, бывала
и в рабо, и в аду.

А и вздохов, ни жалоб —

было счастье в дому.

Даже смерть оправдала б

и простила ей бому.

Только лиши не стерпела,

лиши одной не спесила,

оправдать не сумела

и понять не смогла.

Если подряд прочитать несколько номеров «Невы», то картина получится неоднородной. Здесь можно найти интересную статью по искусству, острый роман на современную тему, содержательную повесть, но подчас испытывающую ограничение от проработанного. В повести «Красавица девушки» Б. Зорич рассказывается о том, как трудовой семье выросла барышня-белоручка, которая не может «ни подол поднять, ни урок выучить, ни суп сварить...» — скрупулезно вышибается из обычной колеи — он, молодой сапожник, попадает на свадьбу собственной невесты, скрупулезно там стоя и стекла, погом, одинак, бродит по лесу недельми, потрясенный собственной смелостью, ошалевший от свободы, а когда наконец возвращается в отчий дом, лицо его опять застыает в туго-самодовольной улыбке. Его «безумные дни» кончились. Он будет сапожничать, склоняясь талерами по гроздам, циркулировать священное писание и неодобрительно коситься на тех, кто хочет изменить заданный порядок жизни.

В решении образов Яны (В. Кеттунен) и кузнеца Кристо (И. Мехильайнен), в сцене свадьбы театр ищет другие краски — сдержанно-лирические. Степенно свершаются свадебные обряды, гости долго танцуют и чинно угошают друг друга за столами. Здесь действуют любимые герои Алексиса Киви — бедные труженики, и театр так же любит и уважает этих простых и терпеливых людей, как и автор пьесы. Поэтому так выделяет режиссер монолог старого крестьянина Карри (Г. Роуту) — напутствие и завещание детям, наказ пахать землю и корчевать пни, строить

О ЛЮДЯХ ЛЕСНОЙ СТОРОНЫ

ТОЛЬКО человек, очень любящий свой народ, мог написать такую простую, веселую и ясную комедию, как «Сельские сапожники». Комедию о том, как «наперегонки» спрятавшиеся свадьбы придумывают сминаяя дочь старика — скромная и работящая Яна, спрятавшая потому, что умерший родственник оставил по завещанию 500 талеров тому из них, кто первым вступит в брак. О том, как Эско, одетый в отцовский фрак и цилиндр, с мешком салаки за плечами появился в доме своей невесты, когда она выходила замуж за молодого столяра, а потом вернулся в родной дом, как раз к свадьбе Яны и возвращению ее отца... Несколько жадности и верности, любви и ханжества, о тяжком труде и простых радостях финских крестьян, сапожников, столяров, портных — о том деревенском люде, среди которого и высокий спектакль петрозаводского театра — «Хэзя леса».

Эта пьеса двух писательниц, В. Бабич и Е. Палечек, написана по мотивам одноименной новеллы В. Бабич, посвященной наболевшим, острым вопросам. Лес в Карелии — то же, что хлопок в Узбекистане, — гордость и богатство республики. Лесосплав, лесозаготовки, охрана лесов каждый житель Карелии считает своим кровью, личным делом. Разговор в лесе всегда ведется деловой, с цифрами и названиями славных рек, и услышите вы его в Петрозаводске в самых неожиданных местах — в театре, в приемной врача, в семье искусствоведа... Поэтому, должно быть, так во времена пришлоось писать издание повести Бабич, рассказывающей об энтузиастах и хищниках леса, о лесчине Настасье Самоцветовой и могущественным директоре леспромхоза Любомирове, вся забота которого — выполнить план, «гнать кубики», хотя бы ценой гибели заложников.

Повесть далеко не совершенна, в инсценировке ошибок еще больше. Она расстянута, в ней много лишних персонажей, отнимающих внимание от главных героев. некоторые порой выражают свои чувства непраздничной скороговоркой или рассыпными риторическими монологами. Здесь есть и безызкусный партнер, уезжающий именно в то время, когда он нужен для зарезы, есть бездушная красавица — жена инженера, которая бродит по лесам в модных узких брюках — пилит мужа за то, что он завез ее в глухую, и в конце концов бросает ее и уезжает в Ленинград; есть стяпля и приспособленец, которого, конечно же, зовут Аркадием Владиславовичем Погребицким... Можно продолжить этот список испытанных приемов и знакомых штампов. Но когда смотришь спектакль петрозаводцев, все это как-то отходит на второй план и, конечно, мешия главному, все же не заслоняет его.

А главное — в той вззволнованности, искренности и простоте, с какими актеры играют этот спектакль о своей родине, о том, что они знают и любят с детства. Часто еще в наших спектаклях, рассказывающих о людях какого-то профессии — о геологах, моряках или работниках завода, ощущаешь беспомощность актера, не знающего дела, которым живет его герой, и играющие «вообщем», приближительно, в конце концов равнодушно. В более — в той вззволнованности, искренности и простоте, с какими актеры играют этот спектакль о своей родине, о том, что они знают и любят с детства. Часто еще в наших спектаклях, рассказывающих о людях какого-то профессии — о геологах, моряках или работниках завода, ощущаешь беспомощность актера, не знающего дела, которым живет его герой, и играющие «вообщем», приближительно, в конце концов равнодушно. В этом театре не идеализируют эту жизнь, картины старой деревни не заволакиваются благостно-безмятежной дымкой: природа Суоми сурова, работа тяжела, и люди Суоми хорошо знают цену каждому метру земли и каждому талеру... 500 талеров, обещанных в приданое, какуюсь здесь огромным богатством; жадный огонек зажигается даже в запущенном деревянном доме: живут династии сельских сапожников, что-то ищущих и неожиданных, и занимающихся ими. Их называют «сапожники», «лесочини», «ханжами», «хэзя леса» — и это не просто прозвища, это имена, которые даются ими в то время, когда они нужны для зарезы, есть бездушная красавица — жена инженера, которая бродит по лесам в модных узких брюках — пилит мужа за то, что он завез ее в глухую, и в конце концов бросает ее и уезжает в Ленинград; есть стяпля и приспособленец, которого, конечно же, зовут Аркадием Владиславовичем Погребицким... Можно продолжить этот список испытанных приемов и знакомых штампов. Но когда смотришь спектакль петрозаводцев, все это как-то отходит на второй план и, конечно, мешия главному, все же не заслоняет его.

А главное — в той вззволнованности, искренности и простоте, с какими актеры играют этот спектакль о своей родине, о том, что они знают и любят с детства. Часто еще в наших спектаклях, рассказывающих о людях какого-то профессии — о геологах, моряках или работниках завода, ощущаешь беспомощность актера, не знающего дела, которым живет его герой, и играющие «вообщем», приближительно, в конце концов равнодушно. В этом театре не идеализируют эту жизнь, картины старой деревни не заволакиваются благостно-безмятежной дымкой: природа Суоми сурова, работа тяжела, и люди Суоми хорошо знают цену каждому метру земли и каждому талеру... 500 талеров, обещанных в приданое, какуюсь здесь огромным богатством; жадный огонек зажигается даже в запущенном деревянном доме: живут династии сельских сапожников, что-то ищущих и неожиданных, и занимающихся ими. Их называют «сапожники», «лесочини», «ханжами», «хэзя леса» — и это не просто прозвища, это имена, которые даются ими в то время, когда они нужны для зарезы, есть бездушная красавица — жена инженера, которая бродит по лесам в модных узких брюках — пилит мужа за то, что он завез ее в глухую, и в конце концов бросает ее и уезжает в Ленинград; есть стяпля и приспособленец, которого, конечно же, зовут Аркадием Владиславовичем Погребицким... Можно продолжить этот список испытанных приемов и знакомых штампов. Но когда смотришь спектакль петрозаводцев, все это как-то отходит на второй план и, конечно, мешия главному, все же не заслоняет его.

А это — самое привлекательное в искусстве простого и умного финского театра Карелии.

Е. ПОЛЯКОВА

Произведения индийских писателей на азербайджанском языке

За последние три года на азербайджанском языке издано более десяти книг индийских писателей общим тиражом 165 тысяч экземпляров. Отдельными изданиями вышла повесть Кришна на Чандра «Когда пробудились поля», роман Рабинраната Тагора «Крушение» и книга его рассказов, романы Ходжа Ахмад Аббас «Сын Индии» и «Завтра принадлежит нам».

До конца года из печати выйдет роман Р. Тагора «Берег Биби».

С конца 1955 года на азербайджанском языке издано более десяти книг индийских писателей общим тиражом 165 тысяч экземпляров. Отдельными изданиями вышла повесть Кришна на Чандра «Когда пробудились поля», роман Рабинраната Тагора «Крушение» и книга его рассказов, романы Ходжа Ахмад Аббас «Сын Индии» и «Завтра принадлежит нам».

До конца года из печати выйдет роман Р. Тагора «Берег Биби».

«НЕВА»

1959

По двум руслам

Если подряд прочитать несколько

номеров «Невы», то картина

получится неоднородной.

Здесь можно найти интересную

статью по искусству, острый роман на

современную тему,

одержательную

повесть, но подчас испытывающую ограничение от проработанного. В повести от проработанного. В повести «Красавица девушки» Б. Зорич рассказывается о том, как трудовой семье выросла барышня-белоручка, которая не может «ни подол поднять, ни урок выучить, ни суп сварить...» — скрупулезно вышибается из обычной колеи — он, молодой сапожник, попадает на свадьбу собственной невесты, скрупулезно там стоя и стекла, погом, одинак, бродит по лесу недельми, потрясенный собственной смелостью, ошалевший от свободы, а когда наконец возвращается в отчий дом, лицо его опять застыает в туло-самодовольной улыбке. Его «безумные дни» кончились. Он будет сапожничать, склоняясь талерами по гроздам, циркулировать священное писание и неодобрительно коситься на тех, кто хочет изменить заданный порядок жизни.

В решении образов Яны (В. Кеттунен) и кузнеца Кристо (И. Мехильайнен), в сцене свадьбы театр ищет другие краски — сдержанно-лирические. Степенно свершаются свадебные обряды, гости долго танцуют и чинно угошают друг друга за столами. Здесь действуют любимые герои Алексиса Киви — бедные труженики, и театр так же любит и уважает этих простых и терпеливых людей, как и автор пьесы. Поэтому так выделяет режиссер монолог старого крестьянина Карри (Г. Роуту) — напутствие и завещание детям, наказ пахать землю и корчевать пни, строить

художественные прорисовки при создании образа, а за то, что она стремилась «показать характер в причудливом сочетании самых разнообразных свойств». Ему кажется, что мужество и страхи, геройство и трусость и другие противоречивые качества и чувства не могут уживаться в одном человеке.

</

АМЕРИКАНЦЫ — ЗА МИР

Уолтер ЛОУЭНФЕЛС

В Южном Джерси небо глядит с улыбкой в воды реки Литл Эйт Харбор. На берегах вскрываются почки, и кедры в болотах скрипят, почуя весну. Но в Пентагоне не запах весны захватил генералов. Они на Восток устремили взор и жажду вдахают другой аромат — марганца, олова.

«Плей-Дилер»

г. Кливленд, штат Огайо
«Я содрогаюсь от ужаса при одной мысли о том, что слово «кобальт» означает уже не голубой цвет, а беспредельное разрушение»

Марлон ЭПШТЕЙН

Парма Хайтс, штат Огайо

Одуванчики клонят головки над помидорными грядками в Джерси. Фермеров будят солнце, пробираясь сквозь ветви. А головы генералов склонились над картами баз и плацдармов. Полные мыслей о страшных бактериобомбах.

«Инвинг буллетин»
г. Филадельфия, штат Пенсильвания
«Мне двенадцать лет. Вы, вероятно, поможете мне разобраться. Я никак не могу понять, зачем люди хотят создавать такие разрушительные предметы, как бомбы. Если можно, ответьте мне, пожалуйста»

Карин КОЛИНАТИ

г. Левиттаун, штат Пенсильвания

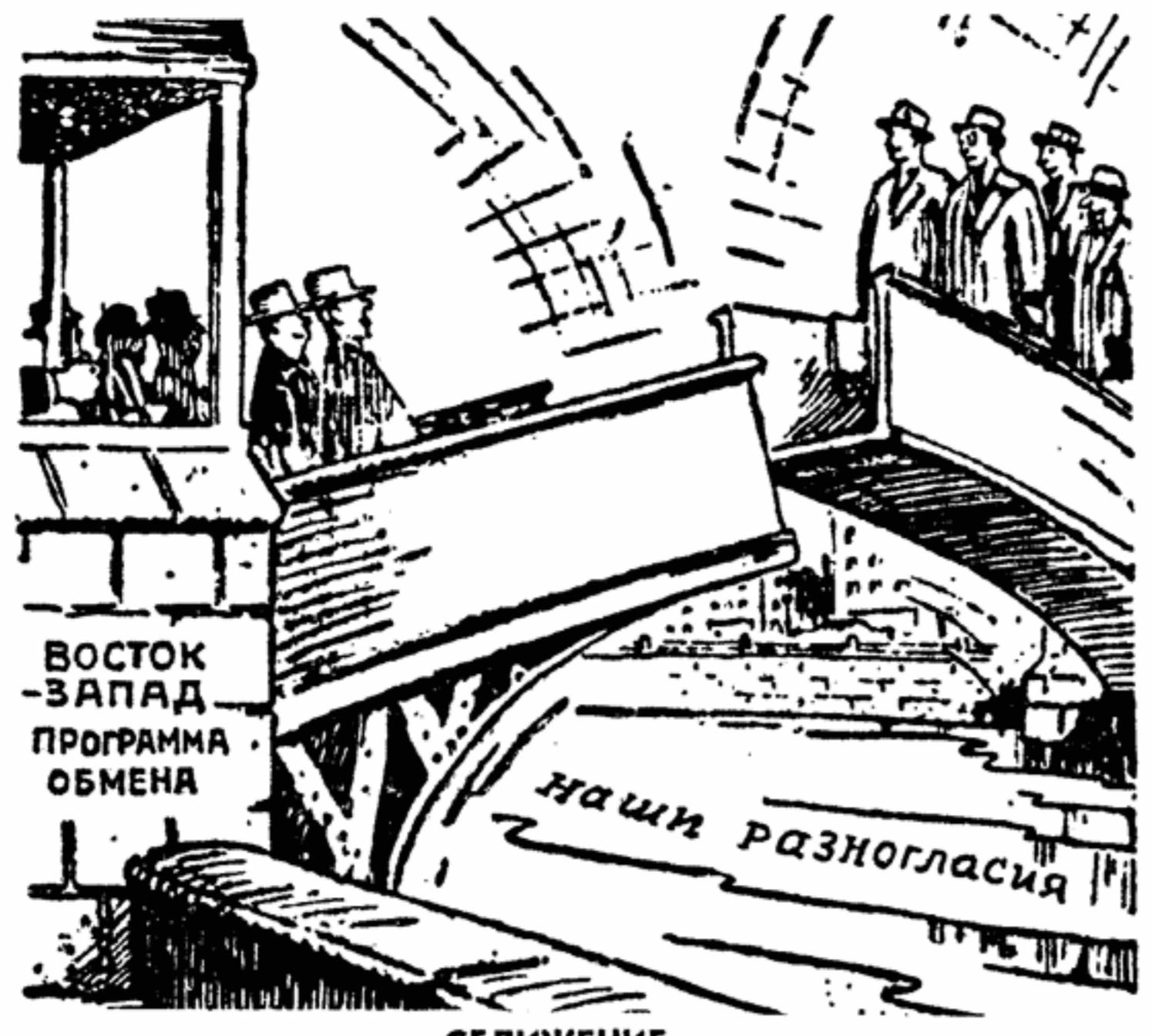

Рисунок художника Александра из американской газеты «Филадельфия инвинг буллетин»

СБЛИЖЕНИЕ
Когда в нас входит истина, наши дела растут.

Мы смотрим на мир другими глазами. В конце Главной улицы течет Миссисипи — не Рейн.

Мир просыпается от долгого и глубокого сна.

Над песчаными дюнами Джерси ветви сосен блекают ночью. Ветер качает кусты сирени...

А в небе кто-то, словно фонарь, далеко-далеко повесил звезду.

Почему мы должны рыдать, когда мир переполнен счастьем?

«Джорнал Америкэн»
г. Нью-Йорк

«Я — мать, и, как мать, я хочу, чтобы американские женщины — матери, сестры и жены наших парней — образовали мощный союз «Американские женщины за мир», цель которого — предотвратить бесполезную войну нашей замечательной молодежи».

Анна ЛИНАРД
Бруклин

Мы публикуем отрывок из поэмы У. Лоузенфельса «Американцы — за мир».

Имя американского поэта Уолтера Лоузенфельса уже знакомо нашему читателю. Недавно «Литературная газета» сообщала о выпущенной им в содружестве А. Рефриджером книге «Песни о мире».

Свой творческий путь Лоузенфельс начал тридцать лет назад. Его первая поэма была посвящена борьбе американских рабочих против предпринимателей. В ряде других стихотворений поэт прославлял героические подвиги испанского народа, сражавшегося в 1937 году против фашизма. В 1953 году по обвинению в «подрывной деятельности» он был брошен американским судом в тюрьму. Обращаясь к судьям, Лоузенфельс сказал тогда: Вы судите меня за то, что я пишу о народе, который хочет жить на мирной земле, за то, что я пишу о цели человечества, состоящей в победе над всем, что противно человечности.

В заключении У. Лоузенфельс написал цикл «Пять стихотворений из тюрьмы». Ему принадлежат поэмы «Американские голоса» и «Американцы — за мир», «Сонеты любви и свободы».

Поэтической манере Лоузенфельса присуща острые публиканственность. В стихотворной ткань поэмы «Американцы — за мир» Лоузенфельс включает письма, опубликованные в газетах, и это создает представление о многоголосом хоре простых американцев, выступающих за мир на земле.

Мы публикуем отрывок из поэмы У. Лоузенфельса «Американцы — за мир».

«Фри Пресс»
г. Детройт, штат Мичиган

«Я скоро стану матерью в первый раз в своей жизни. И это делает для меня мир во всем мире жизненной необходимостью».

Маргарет ФИШМАН

Зачем нам бояться?

Двадцатый век не обойти стороной. Соль Юты смешалась с золотом апельсинов Флориды.

В Южном Джерси все это чудо.

Мы ждем времени жития.

А кто то бежит в панике за зерном и деньгами

И, пресытившись, не постыдится вернуться обратно и взять еще. Людям Южного Джерси все это чудо.

С рассветом мы в поле выходим. С закатом кончаем работу.

Нам чужого не надо. И тем, что имеем, готовы всегда поделиться. Голодных детей много на свете. Нам жаль их.

«Нью-Йорк Таймс»

«Наилучшая оборона — это ослабление международной напряженности».

Аарон НЕЙДЛ

г. Мельбурн, штат Флорида

Опасно идти по болотам, но мы идем. Переходим реки.

Мы предъявляем свои права на завтрашний день.

«Вайн Юниверсити Колледж»
г. Детройт, штат Мичиган

«Мир — не американская ватина. Мы — члены человеческого общества, а не хозяева его».

Ларри ХОЧМЕН

Перевод В. БОЛЬШАКОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАДЕЖДЫ

НЕСКОЛЬКО дней назад я сопровождал одного иностранца знакомого польского публициста по нашей прекрасной Варшаве.

— В этом доме, — говорил я ему, — гитлеровская бомба в 1944 году засыпала временный госпиталь варшавских повстанцев. Под развалинами тогда погибло триста человек... А вот на этом углу, во время того же восстания, была баррикада. В 1939 году рабочий батальон склонил ее колоссальные изменения. Для нас, поляков, это дело особо важного значения. Уже в течение длительного времени польское правительство прилагает все усилия, чтобы внести свой вклад в разрядку международной напряженности.

— Дьявольские много восстановили... — велико буркнул он.

Это банальное замечание заставило меня подумать: действительно, современная история Польши состоит из разрушений, восстановления, снова войн и нового восстановления. Отсюда и такая мысль: неужели и на этот раз наша земельный труд подвергнется уничижению?

Не я один стоял перед собой подобный вопрос. Страна наша, познавшая все зло войны, буквально каждым первом реагирует на проблемы войны и мира. И, вероятно, потому сообщение об обмене визитами главы Советского правительства И. С. Хрущева и президента США Эйзенхайма получило в Польше такой исключительный резонанс. Я никогда не преувеличу, если скажу, что преобразование визиты И. С. Хрущева и Д. Эйзенхайма — неизменная тема почти всех наших частных бесед.

Коротко о том, чего ждут поляки от

этих визитов, можно сказать так: разрядка международной напряженности и укрепление фундамента мира во всем мире. А это, как известно, зависит прежде всего от советско-американских отношений. Если бы удалось разрешить хотя бы часть спорных вопросов в этих отношениях, — мы имеем право ожидать этого, — не подлежит сомнению, что в международной обстановке произошли бы колоссальные изменения. Для нас, поляков, это дело особо важного значения. Уже в течение длительного времени польское правительство прилагает все усилия, чтобы внести свой вклад в разрядку международной напряженности. Можно привести в качестве примера хотя бы широко известную польскую инициативу в вопросе создания беззатрудненной зоны в центре Европы.

Мы считаем предстоящий обмен визитами между главами правительства СССР и США большим успехом советской дипломатии и ее последовательной мирной линии. Советские руководители не раз заявляли, что самым лучшим путем к решению спорных проблем являются личные контакты государственных деятелей. И теперь, наконец, эта точка зрения восторжествовала. Товарищ И. С. Хрущев привез с собой в Вашингтон самые лучшие пожелания поляков. Самые лучшие пожелания — и много оптимизма! Мы глубоко верим, что недалек уже час, когда мы сможем насладиться вычеркнутым из нашего словаря такие ненавистные слова, как «бомба» и «военные разрушения»...

ВАРШАВА, 28 августа. (По телефону)

Лето 1959 года в Голландии

ЛЕТО подходит к концу. Многие расходятся в разные стороны: одни покидают в перелетах из Южного Джерси в германскую ватчину. Немецкий — преобладающий язык среди туристов.

Для многих подростков, в частности принадлежащих к первому послевоенному поколению, сейчас пришла пора поступать в среднюю школу. Голландцы — цивилизованный народ, поэтому мы предоставляем им детям право самим решать в какой школе они хотели бы учиться... Но вот только одно недобье затруднение... Стоит вам подсказать своего ребенка в школу «А», так как этот тип образования более всего соответствует его способностям или отсутствию у него таких, как вы сказали в ответ: Очень жаль, но школа «А» уже переполнена. Может быть, вы обратитесь в другую школу? Встревоженные родители подают в школу «В», даже если эта школа не вполне отвечает их желаниям. Через несколько недель приходит ответ: С прискорбием сообщают, что школа «В» также переполнена. И поскольку остается мало времени, хотим вместе с вами обратиться в школы «С», «Д» и «Е», и как можно скорее.

Правда, это как раз те школы, в которых большинство родителей по тем или иным причинам не хотят отдавать своих детей, но выбора уже не остается. И вот получается, что тысячи детей, особенно в больших городах, вынуждены посещать школы, которые их не устраивают и на которых они сами никогда не остановились бы из своего выбора.

Все это — одно из серьезных последствий полного отсутствия сейчас в Голландии хороших средних школ. У нас мало средних школ с современными программами обучения, потому что государственные средства беспрестанно расходуются на милитаризацию. Никогда еще с такой постыдной яростью не выявлялось все безразсудство строительства базара вместе школ (и, кстати сказать, больниц!).

Проблема школ в ближайшие годы встанет с еще большей острой. Население Голландии увеличивается почти невероятными темпами. Когда я был мальчиком, наши учителя с гордостью говорили нам, что население Голландии подскочило до 6 миллионов человек. Сейчас эта цифра почти удвоилась. Как разделяются на них мальчики и девочки?

Они слушают по радио и смотрят по телевизору детективные истории с убийствами.

Продается

вами, следят за последними спортивными сенсациями, гоняются на автомобилях (приобретаемых в кредит) или на мотоциклах. Одним словом, «наслаждаются жизнью». И это в то время, как политическая элита, безоговорочно разрывает реакционеры, которые в голландской печати глумятся над женевскими переговорами и клевещут на людей, выступающих за переговоры на высшем уровне, потому что «холодная война» по-прежнему является вернейшей гарантией их баснословных барышь.

К сожалению, мой рассказ далеко не так весел, как мне бы хотелось. Но ведь я не виноват, что за чистеньkim, сверкающим фасадом повседневного превосходства Голландии накапливаются грязь и опасности.

Вот один из шпаров: ежегодная конференция Организации голландских издателей была вынуждена в осторожных выражениях признать, что широкая публика покупает все меньше и меньше книг, несмотря на то, что приобретение книг облегчено появлением большого числа дешевых, так называемых «карманных» изданий. У落到 книгорогов не может не оказаться на положении голландских писателей — именно на их плечах ложится большая часть убытков издателей. Хорошо, что впервые в своей жизни голландские писатели поняли, как важно объединиться для борьбы, против этой опасности.

В лесах новых казарм молодые рекрутов доводят чуть ли не до безумия систему муштры, занимавшую в немецких и американских «специалистов»; ругают и тяжелые наказания, не говоря уже о креативных упражнениях, заставляющих волосы вставать въями, дарынговские воспитанники из молодых голландцев «ударные войска НАТО». Сам генерал Шнейдер поздравил наших ребят с тем, что они великолепные солдаты. А в казармах солдаты совершенно открыто говорят, что будущая война будет направлена против социалистических стран, на «свободование» Украины, Праги, Варшавы и Будапешта... Это повальное помещество увлеклось секретным договором между британским правительством и американским правительством о размещении атомного оружия на территории Голландии — «Западный Иран».

Мне очень хотелось бы, чтобы честных и смелых людей, которые активно борются против этой нагубной политики, стало во много раз больше, чем сегодня. Многие еще, к сожалению, не осознают, что не желать умирать — это означает защищать свое право оставаться в живых!

Когда я был мальчиком, наши учителя говорили нам, что население Голландии подскочило до 6 миллионов человек. Сейчас эта цифра почти удвоилась. Как разделяются на них мальчики и девочки?

Они слушают по радио и смотрят по телевизору детективные истории с убийствами.

Программа первого концерта (22 августа) состояла из «Второго очерка для оркестра» Барбера — видного современного американского композитора, сольного исполнителя Моцарта для фортепиано с оркестром Моцарта и Пятой

симфонии Шостаковича.

В «Очерке» Барбера есть увлекательная эмоциональность: в отличие от выставленной формой чувствуется рука умелого мастера, но юмористический материал кажется недостаточно ярким по сравнению с другими известными у него сочинениями, в частности прекрасным Адажио для струнного оркестра. Исполнен был «Очерек» хорошо, хотя и дирижер, и музыканты оркестра были, видимо, еще несколько скованы перед лицом новой для них аудитории.

В «Концерте» Моцарта Бернстайн выступил одновременно в качестве дирижера и скрипки (на память такого рода выступления Сергея Прокофьева, Отто Клемперера, Дмитрия Митрополита). Проявил он себя при этом как тонкий, несколько камерного типа пианист с безупречным вкусом и отличной техникой. Однако, с точки зрения интерпретации этого чудесного сочинения было каким-то трагедийного звучания может достичь только очень талантливый и очень человеческий художник.

По поводу исполнения заключительного раздела последней части симфонии среди музыкантов сразу же возник спор. «Бернстайн лишил финал присущей ему праздничности, помпезности» — сказали одни. «Зато он сообщил ему недоставшую обычно динамику» — добавились другие. Да, конечно, сыграл заключение симфонии иначе, чем мы привыкли слышать. Бернстайн выступил в спор с установившейся в нас традицией. Ни что, как же, такой разрыв между тем, что было раньше, и тем, что стало в это время, не может не вызвать интереса. И не потому ли, что обрастили эти как-то спортивные в окружении их «мирные тревог», недостаточно убедительными?

Второй концерт был исполнен в

Молодежь Рима сингает на одной из улиц города деревянную модель ракеты в знак протеста против проектов размещения ракетного оружия НАТО на территории Италии.

Снимок из немецкого журнала «Фрэйе вельт»

Бернстайн вступил в спор именно с традицией исполнения, а не с авторским замыслом. В его исполнении исчезла никакая не вытекающая из всего развития музыки помпезность заключения, и одновременно стало совершенно ясно, что «динамическая пружина», заложенная